Юрий Андреев

ВЫЗОВ

КОГДА в январе 1988-го отмечался 50-летний юбилей Владимира Высоцкого, не было, кажется, ни одного журнала, ни одной газеты, которые восторженно не высказались бы о нашем замечательном барде. По Центральному телевидению показали четырехсерийный фильм, ему предшествовал двухсерийный и сопутствовали односерийные по некоторым автономным программам.

Как бы кто ни относился к Высоцкому — по Куняеву или по Крымовой,— он не может не признать, что подобный феерический общенародный всплеск внимания к судьбе и творчеству поэта — явление практически беспрецедентное, особенно если учесть, что юбилей лишь подчеркнул и высветил ту любовь и то внимание к Высоцкому, которые проявлялись и прежде и выразились, например, в грандиозных его похоронах и в шествиях к могиле. Об истоках этого уважения и поклонения я еще выскажусь, а сейчас мне хотелось бы обратить внимание на болезненную, можно сказать, тотальную беду как нашего общественного мнения в целом, так и искусствознания. Беда эта сводится к шараханию из крайности в крайность. Каждый из нас видел многопудовую чугунную бабу на тросе, широко раскачиваемую строительной стрелой перед обветшалым домом. Отлетела эта баба подалее от ординара и пошла на сближение со стеной — раз! — провал. Два! — пролом. Три! — кирпичный обвал, дело сделано, можно вызывать самосвалы для вывоза строительного мусора.

Крайне полезная операция со всех точек зрения, когда речь идет о сносе руин, в том числе и общественных! Но если чугунная баба, вдохновляемая не очень трезвыми (в научном плане) мужами, начинает усердно стараться над сокрушением красивых, добротных строений? Если все дело только в том, что нам просто азартно и увлекательно смотреть, как она самозабвенно и лихо гуляет?..

Да, неуемные люди в прошлом далеко оттащили ее вбок, за ординар: все-де авангардное плохо! Так что же — признаком большого ума является ныне отмашка в другую сторону: все-де реалистическое плохо?.. Круши, ребята, однова живем!..

Ни баба-дура, ни мужики-стропали и в ум не возьмут, что их размахивания типа «не Шолохов, а Булгаков», «не Маяковский, а Пастернак», «не Фадеев, а Платонов», «не.., а...», «либо.., либо...» станут восприниматься уже в недалеком будущем смешнее смешного! В том-то и дело, высокочтимые мужики и бабы, что не «или — или», а «и — и»! В том числе и «Ахматова — Ахматова», и «Твардовский — Твардовский», сколь бы ни были розны различные их вещи разных периодов их жизни.

И в таком-то вот контексте скажу о Высоцком: мне претят и его безудержное обожествление (пошла баба налево!), и его пренебрежительное низвержение (хрясь по зданию!), и мутные коловращения вокруг его имени (шарах, шарах, и еще разок — по касательной!). Как не понять, что только правда и только во всей ее полноте не подводит?

Насчет фимиама говорить уже не будем, так как обильно воскуренный в юбилейные недели 1988 года, он уже вызвал повсеместную насмешку и даже отрыжку относительно тех, за чьими стараниями виделся фанатичный надрыв ли, стремление ли утвердить свою запоздавшую значительность в судьбе поэта. Не будем говорить и о тех непрофессионалах, которые в те дни молились так старательно, что и себе разбили лоб, и на лбу поэта оставили ссадины.

О некоторых же современных членах клуба чугунной бабы сказать надо: не ради перечисления их количества, но ради восхищения их методикой.

В журнале «Советский экран» № 13 за 1988 г. была помещена статья О. Ковалева о А. Галиче «Виноватые станут судьями». Ради того, чтобы выше, как можно выше вознести посмертную славу одного талантливого поэта, автор публикации с ногами забирается на другого талантливого поэта. В. Высоцкий в отличие от А. Галича, двигавшегося, по мысли О. Ковалева, сложнейшим путем, был-де романтически прямолинеен. Вот в чем-де и кроются причины его популярности — публика-то ведь столь же элементарна.

«В. Высоцкий создал романтический образ трагического бунтаря, с которым приятно себя отождествить — лестно видеть себя погоняющим над обрывом бешеных скакунов! Герои же А. Галича озабочены куда менее возвышенными материями: раздобыть «сырку к чайку или ливерной», отмыться на собрании от аморалки, не упасть в гололедицу, таща скарб к теще, одарившей пристанищем опального абстракциониста. Помощь без позы и пафоса — норма в этом неказистом мире...» Прекращаю цитацию, чтобы перевести дух: да знает ли автор хоть что-либо о В. Высоцком, коли таким образом он возвышает А. Галича, противопоставляя его оному, прямо указанному пальцем позеру?

Не буду говорить о Галиче, против творческого здания которого его почитатели (какими они себя считают) уже столь усердно затащили до возможного верха чугунную балду. Я о «методике»: бабу-то вздымают ввысь, ступая по телам инакомыслящих. Всего несколько строк в подтверждение тезиса: «Никакой бардовской романтики — езды «за туманом», скалолазания, непокоренных вершин — нет у Галича, знающего: свои проблемы современник решает в очереди за сметаной, в жэке, на собрании. Едут «за туманами» от избытка свободного времени и отменного пищеварения; спускаясь с вершин, наши веселые бородачи за что только не голосовали, чего только не громоздили...»

Когда увидит свет осенью 1989 г. в издательстве «Прогресс» сборник «Владимир Высоцкий — человек, артист, поэт», мы среди прочих интересных воспоминаний о нем его родственников, друзей, соратников по искусству прочтем и замечательные суждения о нем художника Михаила Шемякина, трактующего, кстати, и вопрос о причинах пьянства Вл. Высоцкого. В отличие от пренебрежительно-высокомерных суждений по этому поводу, прозвучавших из уст высокопочитаемых авторов со страниц «Правды» и «Недели», Шемякин пишет о колоссальном нервном перенапряжении творца, артиста, забиравшегося в столь запредельные возможности гражданской и поэтической ответственности сказанного им, что во имя самосохранения психики и самой жизни он должен был себя на время любым путем отключать от мира, от дальнейшего творчества. И М. Шемякин, и я говорим об этом драматическом вопросе, разумеется, не ради оправдания подобных «отключений», но чтобы пояснить сложность проблемы, о которой никак нельзя цедить нечто невнятное через нижнюю губу. Мне лично приходилось общаться с Владимиром во время его абсолютной трезвости и могу уверенно сказать, что внешние поводы, что уговоры друзей и поклонников «принять» оставляли его холодным и неколебимым, здесь срабатывали действительно глубоко внутренние причины. И, зная это все, каково читать экзерсисы, подобные процитированным отрывкам о крепости пищеварения из статьи «Виноватые станут судьями»! Странно, что О. Ковалев не усмотрел в этом заглавии предостережения прежде всего самому себе...

РАБОТА по осмыслению данных о жизни и творчестве В. Высоцкого ведется повсеместно, увлеченно и непрерывно. Однако нужно сказать и о необходимости поставить своеобразные фильтры, чтобы отвеять мусор и сохранить зерна и взлелеять добрые всходы, чтобы не потащить в осмысление судьбы поэта те спекулятивные, просто нечистые подчас игры на его имени, которые то тут, то там затеваются после его смерти вокруг него. Дело в том, что сейчас нашлось немало любителей строить на волне популярности Высоцкого сугубо собственные концепции: энергично привлекая из наследия поэта то, что ему угодно, и не обращая внимания на все остальное. Как-то мне довелось увидеть в 1988 г. полуторачасовой спектакль, где актер, представляющий альтер-эго поэта, пел его песни, по-обезьяньи взбираясь на перекладины, поправляя рукава медицинской рубахи. Его коллеги же то исполняли песни Высоцкого на манер вагонно-бродяжных под звон бросаемых медяков, то ухарски изображали блатных. Да, все тексты принадлежали Высоцкому, но мировидение больного, разболтанного, раздраженного человека принадлежало режиссеру этого драматического спектакля.

Но лучше ли выглядело балетное истолкование? «Канатоходец» — песня о тех редких смельчаках, которые шагают над пропастью жизни без страха и без страховки — под улюлюканье тех, кто хотел бы их падения, превращается в милый сюжет о циркаче, изящно передвигающемся среди цветных мигающих огоньков... «Охота на волков» — аллегория о прорыве личности к свободе — трактуется как... лирический дуэт разобщенных «егерями» влюбленных... Если не это профанация, то что?

Не хуже всех других зная об уродствах и кровавых злодействах нашей истории, Высоцкий, однако, не был чугунной бабой, раскачиваемой на стреле и крушащей все подряд. Этой бабе скорее уподобляются те мужи, которые, ничуть не заглядывая вперед, раздувают пожар всепожирающего цинизма в тех, кто только входит в мир. Не сгореть бы им самим в этом пожаре, к которому Высоцкий-то никакого отношения не имеет. Ведь он — и об этом я еще поведу речь — бешено популярен и за рубежом в силу выдающейся своей экзистенциональности, всечеловеческой сущности, опоре на общечеловеческие ценности! Это — прежде всего, это — позиция, это — высота, с которой он крушит недостатки! Его кредо — утверждение жизни при полном понимании трагизма, нелепостей в этой самой жизни, а не самодовлеющего низвержения. Его концерты, начиная с первого, вызывали духоподъемное настроение, а не стремление к всесокрушению. Нет, Высоцкий был хозяином жизни и строил ее, и чистил ее в качестве такового.

Я освещен, доступен всем глазам.
Чего мне ждать: затишья или бури?
Я к микрофону встал, как к образам.
Нет-нет, сегодня точно — к амбразуре.

Да, конечно, определяют его ответственность перед собой и людьми. Но далеко не исчерпывают его!

А воистину общеизвестный «Диалог у телевизора» Вани и Зины? А «Дорожная история» («Дорога, а в дороге МАЗ, который по уши увяз»)? А «Канатоходец»? А «Бег иноходца»? А «Я не люблю», а «Кони привередливые»? Да, все это — Высоцкий, но далеко не весь Высоцкий! По отдельности они не объясняют причины всесоюзной популярности поэта.

В статье «В зеркале творчества (В. Высоцкий как явление культуры)», написанной доктором философии В. И. Толстых, читаем знаменательные слова: «Ныне нет недостатка в смелых, безбоязненных характеристиках и оценках противоречий и недостатков в народном хозяйстве, нравственных вывихов и упущений, проявлений несознательности, бездуховности, бескультурья. Но эта смелость, так сказать, «с разрешенья», пусть искренняя и исполненная гражданского пафоса (потому что немало критики из духа социальной демагогии, мастеров каковой развелось у нас предостаточно), все-таки вызывает и чувство досады... Удержимся от сакраментального бестактного вопроса — «Где вы были раньше, отчего молчали вчера?». А просто вспомним, а кому-то напомним, что были и те, кто не молчал, не дожидался лучших времен и «разрешения» сказать то, о чем художник не вправе умалчивать ни при каких обстоятельствах... Среди них и В. Высоцкий, без высокопарных деклараций и обещаний реализовавший на деле, в самом творчестве первейшую потребность настоящего художника-гражданина — сказать правду о времени и о себе». Автор указывает на круг писателей (весьма неширокий), которые, не убоясь обстоятельств, постоянно стремились говорить правду, но было бы справедливо заметить, что та правда, то бесстрашие, которые отличали именно Высоцкого, выделяют его даже и из этого круга славных имен. По сути же своего понимания В. Толстых, безусловно, прав.

В чем состоит принципиальная разница между Высоцким-изобличителем и нынешними храбрецами от обществоведения, которые весь свой изобличительный пыл направляют назад? Да в том, что он, не думая ни о цензуре, ни о конъюнктуре, критиковал то, что мешало ему (и нам) в ходе самой жизни, а не задним числом! О чем бы он пел, к примеру, в наши времена? Представляю себе его песню из «шахматного» цикла, в которой он отметил бы блистательный ход черного короля — с двумя восклицательными знаками,— когда были введены ограничения на подписку и гласность была ущемлена, и общее внимание было отвлечено от других серьезных проблем... Думаю, он сейчас ядовито высмеивал бы ма-а-а-аленький параграф в Инструкции о выборах от августа 1988 г., который под откос спускает всю партийную демократию, оставляя ну никак не сменяемыми тех, кто хочет навсегда стоять у кормила власти, да и все другие подобные параграфы... Я думаю, он не только высмеял бы шум вокруг БАМа, но внятно объяснил, кому было нужно и для чего вкладывать такие громадные средства и трудовые ресурсы в непродуманную структуру,— пел бы, не беспокоясь о том, что означенные персоны и сейчас пытаются творить свою губительную для нас политику, не ожидая, когда воспоследует сверху разъяснение о персонально ответственных и освобожденных от должностей, а потому и безопасных. И мнится мне, что Высоцкий не мог бы пройти против того растления низов, которое выражается в нежелании трудиться и в неприязни к тем, кто как раз и «вкалывает». И знаю я — зная практически все его песни,— что с теплотой, юмором и любовью пел бы он о тех, на чьем крепком хребте всегда держалась и будет держаться мощь нашей действительно великой державы.

Высоцкий не был «героем оговорочки», он говорил о своем времени (и сказал бы о нашем) всю правду как подлинный хозяин большой народной жизни, и те, кто растаскивает его на клочки и приспосабливает к своим спекулятивным целям, уверены, рано или поздно слетят с его рукава подобно насекомым, получившим щелчок пальцем.

ХОЗЯИН жизни, если говорить о поэте,— человек, который знает действительность так, как знает свое собственное творение — изнутри, в его глубинных внутренних связях и в закономерностях его собственного развития. Вот почему В. Высоцкий так правдив, например, в тех сказках, которые написал сам: он создал их не из ничего, а из собственной души, столь широко вместившей и жизнь человека, и его поверия.

Удивительная, счастливая случайность (хотя, как мы знаем, каждая случайность — проявление закономерности) заключается в том, что поэт Владимир Высоцкий был песенником. А для песен — с пришествием магнитофонной эпохи — создалась возможность массового распространения, ничем не регулируемого тиражирования. То, что записано на бобине или кассете у одного, может со скоростью пожара, распространяющегося при ураганном ветре по сухостойному лесу, оказаться на магнитной пленке у десятков, сотен, тысяч других.

Да, но поют для слушателей сотни и тысячи авторов, однако остаются на пленках и распространяются в геометрической прогрессии песни лишь избранных. Почему? Каким таким насущнейшим потребностям своего времени отвечали песни В. Высоцкого? В чем состоял «жизненный элемент», определяющий свойство его поэзии? Если начнем мы с педантической аккуратностью перебирать все его сотни стихотворных текстов (а некоторые из строф в них имеют, как определил Андрей Крылов, и 7, и 12 вариантов), мы вряд ли найдем его в химически чистом виде. Дело в том, что элемент этот не элементарен, он многосоставен и определить его можно, осуществив рассмотрение творчества Владимира Высоцкого в синтезе его особенностей. В сборнике «Нерв», первом из изданных у нас издательством «Современник», содержание было разбито на десять тематических рубрик. В тех несравнимо более полных собраниях его сочинений, что самостоятельно печатаются на машинке ценителями его творчества, можно обнаружить еще десятка два тематических рубрик. Вопрос: в каком же именно стихотворении, в какой же именно из рубрик сокрыта искомая формула? Естественный ответ: во всех сразу.

Может быть, эти слова из «Песни певца у микрофона» определяют смысл творчества Высоцкого?

То расхождение между словом и делом, которое стало оказывать разрушительное воздействие на экономику и нравственность нашего общества в прошлые годы, не могло не вызывать чувства протеста и несогласия у тех, кто был воспитан на идеях социализма, кто всей душой воспринял заветы своих отцов и старших братьев, отдававших саму жизнь, когда потребовалось, во имя защиты своей страны от фашистской чумы. И естественно для подобных людей, для нормальных советских людей, что их взгляды на необходимость правдивого разговора о всех трудных обстоятельствах нашей жизни, их представления о гласности весьма отличались от представлений тех, кому удобнее была тишь, гладь да божья благодать. Нормальные советские люди, воспитанные на революционных традициях социалистического государства, на демократизме и правдивости Ленина, мы все, разумеется, не могли не ощущать необходимости существенных перемен в нашей общественной жизни и Владимира Высоцкого воспринимали именно в этом серьезном социальном контексте.

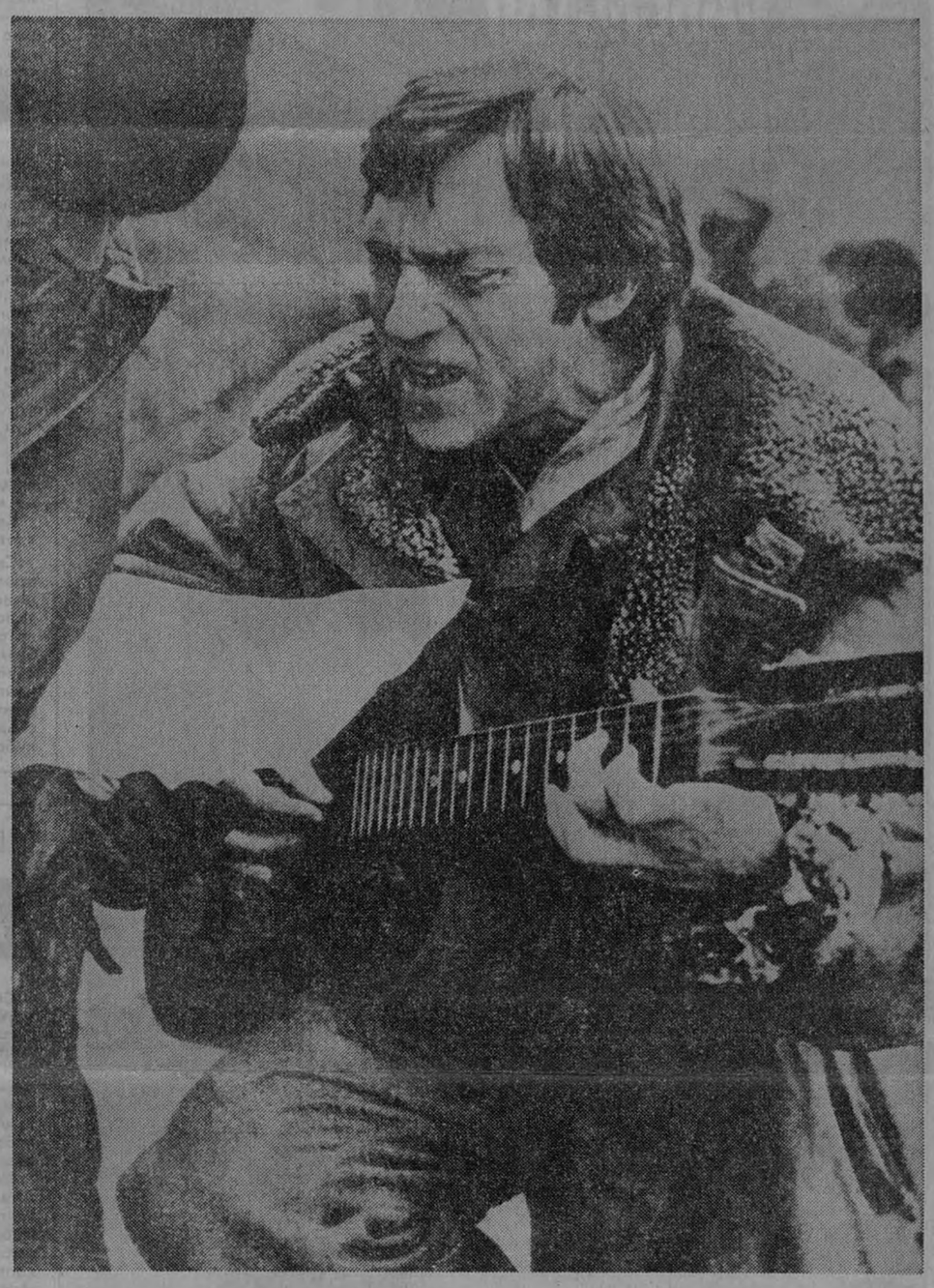
Нелепо утверждать, да, кажется, никто этого и не утверждает, что превосходной степени достигают все его песни. Нет, конечно. Среди них встречаются и проходные, и композиционно неуравновешенные, и написанные «по случаю». Это так. Но при том: «Банька по-белому» — сказание о трагической судьбе человека, прошедшего через облыжные обвинения и репрессии. «Чужая колея» — притча об инерции бессмысленного движения и пагубности ее. «Мне в ресторане вечером вчера» — едкая сатира о восшествии наглых воров-торгашей на Олимп общественного благоволения. «Штрафные батальоны» — что-то не припомню я в нашей большой литературе о войне повествований на эту драматическую тему. «Считать по-нашему, мы выпили немного» — о пьянстве, смеясь сквозь слезы, он заговорил задолго до того, как правительство встрепенулось, чтобы попытаться принять меры против алкоголизма.

И вместе с тем, и, может быть, это самое главное: ведь любили и любят его не только за эту суровую правдивость. В том-то и дело, что Высоцкий тельняшки на себе не рвал и бесконечно далек был от оголтелости, которая характерна для тех, кто уже изработал свой внутренний ресурс душевный, кто и сам до смерти перепугался и других сейчас норовит до икоты застращать. Нет, это был человек, богато одаренный чувством юмора, и целые циклы лукавых и распотешных песен создал он одновременно с окрашенными в трагический колорит: кто не знает, к примеру, его обширнейшего спортивного цикла, его лукавых сказок, его насмешливых сатир? И ведь вот что: немало спето им таких песен, где единственным достойным персонажем является сам автор, но, с другой стороны, очень много песен создано им и таких, в которых он искренне любуется людьми сильными, добрыми, мужественными. В которых высвечивает человека, сохраняющего свое человеческое звание даже в самых сложных, порой смертельно опасных для него обстоятельствах.

Человеку, нормальному человеку, который жив мечтой и поиском, а не водкой и тряпьем, посвящена песня «Мой финиш — горизонт, а лента — край земли. Я должен первым быть на горизонте!».

При желании можно было бы составить целую антологию песен Высоцкого о людях, достойных носить звание человека. Но это была бы неправильная затея, так же, как и намерение отобрать одни лишь драматически мрачные, угрюмые песни, песни беспокойства. Это только фокусник Кио умеет безболезненно перепиливать пополам своих миловидных ассистенток, не оставляя следов крови. Поэзию Высоцкого расчленить возможно при одном условии: умертвив ее.

Настоящий мужчина, он был не из тех, кто способен, лишь со стороны глядя, сетовать по поводу несовершенства мира. У него есть язвительное стихотворение с рефреном «И я сочувствую слегка, но только так, издалека». Еще при жизни он резко и непримиримо протестовал в своем «Памятнике» против того, что его «обузят после смерти». Сам он с абсолютной точностью, лучше любых критиков определил суть и смысл своего творчества: «Песни я пишу на разные сюжеты. У меня есть серии песен на военную тему, спортивные, сказочные, лирические. Циклы такие, точней. А тема моих песен одна — жизнь. Тема одна — чтобы лучше жить было возможно, в какой бы форме это ни высказывалось — комедийной, сказочной, шуточной».



ВРЕМЯ бежит быстро. Давно ли, кажется, умер Владимир Высоцкий? Вот он, этот черный день, совсем рядом, а между тем дети, родившиеся в тот год, уже давно, вдев себя в ранцы, направились в школу. Стремительно, как порожистая речка, мчит время, меняется действительность. Раньше или позже, но обязательно будут решены и сплывут в небытие те вопросы, которые мучительно подчас нас тревожили, прокалывали сердца наши. Уйдут боли и тревоги нашего времени, им на смену заступят новые. Так как же будет восприниматься младшими современниками творчество Владимира Высоцкого? Не окажется ли оно в связи с иной атмосферой общественной жизни лишь историческим реликтом?

Нет! Подобный отрицательный ответ можно дать со всей определенностью, опираясь не только на теорию литературы и не столько даже на аналоги культуры недавнего прошлого, сколько на феномен международной популярности нашего автора. И это при том, что наши сугубо внутренние процессы недавнего прошлого, на которые столь звучно резонировали струны его гитары, для зарубежных слушателей или читателей либо неизвестны, либо не особенно интересны. У них была своя жизнь и свои в ней затруднения. И тем не менее книги о жизни и творчестве Высоцкого за рубежом издают с неизменно большей оперативностью, в объеме гораздо более просторном, правда, смеху подобно, приписывая ему сплошь да рядом отнюдь не его песни; пластинки штампуют одну за другой, да так еще стараются молодцы-коммерсанты, чтобы на составленных корешках конвертов образовался бы портрет поэта; а уж что касается компакт-кассет, так они идут по доминговым ценам, чтобы завоевать рынки сбыта (наши умельцы, восседающие в кооперативных будочках, в отличие от империалистов дерут цены чудовищные). Иначе говоря, предложение есть дитя спроса, и, судя по изобилию форм подачи, спрос на песни Высоцкого за рубежом весьма велик. Чем же определяется его известность там? И чем будет определяться его популярность у нас, когда уйдет в прошлое столь важная для нас, его современников, актуализация его творчества?

И, подобно мгновенно вспыхнувшей и беззвучно ветвящейся молнии, возникла в сознании ассоциация: а ведь аналогом творчеству Владимира Высоцкого является творчество народное. Почему? Да потому, что отличительной особенностью и того, и другого является многоаспектность, соответствующая многогранности самой жизни; отсутствие какой-либо регламентации (в смысле: об этом можно писать, а се — для писаний не годится); жизнеутверждающий взгляд на мир, хотя события в этом мире и преисполнены трагизма. Песни его достигают самых глубоких глубин человеческой нравственности и поднимают оттуда на поверхность для раздумий и волнений те вопросы, которые издревле считаются общечеловеческими, вечными...

Сила и надежность мужчины? Его верность своему долгу защитника — детей, женщин, Родины, совестных убеждений? Но на эту тему можно не только дипломные сочинения писать, но целые монографии! И разве безупречно признаваемый всеми, даже теми, кто ничего другого у него не признает,— военный цикл весь от начала до конца не утверждает в качестве незыблемой и непреходящей именно эту великую человеческую ценность?

Женская нежность, доброта и поглощающая мужчину любовь к женщине? Да ведь именно Высоцкий является одним из самых ярких и страстных трубадуров этой извечно человеческой темы! В одном из шеститомных собраний его песен, составленном бескорыстными собирателями и знатоками его творчества, с которым мне пришлось ознакомиться, этой теме отдан целый том, так и названный «О любви». В нем лишь «серьезные» песни, но, боже мой, сколько их в карнавальных одеждах бродит по другим томам, даже там, где Владимир Высоцкий с усердием и юмором пародирует на заре своих творческих лет «блатную» лирику.

Здесь идет разговор о праценностях, о тех вечных для человечества проблемах, которые тревожили, тревожат и будут тревожить людей на всех континентах и во всех странах. Исконное для человечества стремление к постижению нового, к одолению трудностей, к познанию неизвестного — это такая ценность, значение которой в общечеловеческой жизни является не только непреходящим, но и постоянно возрастающим. В развернутом стихотворении «Мой Гамлет» (около 100 строк) воистину прокламируется постоянная погоня за истиной погоня, которой никогда не суждено прекратиться, потому что абсолютных решений не бывает, потому что движется само время и постоянно усложняет условия задачи.

О демократизме его творчества речь уже шла. Но в том контексте, который мы избрали сейчас, эта могучая эстетическая праценность видится по-особому. Из глубины веков, подобно реке, издревле движется, постоянно ширясь, несмотря ни на какие потуги власть имущих свести трудовые массы лишь к роли рабов или прислужников, стремление к раскрепощению и равенству людей, «в сторону свободной ассоциации производителей», по словам Карла Маркса. Революционность социалистического реализма в творчестве Максима Горького проявила себя прежде всего в радостном, полнокровном изображении рабочего человека как будущего хозяина мира людей. Казаки Михаила Шолохова, способные и любить, и мыслить, и страдать сильней и ярче, чем амбициозные представители господствующих классов, составили эпоху в развитии всего мирового искусства. Разумеется, подобная народность отнюдь не равна простонародности, дело не в изображении «младшего брата», а в изображении всего богатства внутреннего мира человека трудящегося, не отмеченного ни элитарностью происхождения, ни избранностью социального положения. Если демократических героев из театра Высоцкого собрать всех вместе на площади, то какая же пестрая, какая неординарная толпа, состоящая из индивидуальностей, образуется! Толпа, в которой пропойца способен мыслить государственными категориями, тюменский нефтедобытчик — проявлять максимальное нравственное мужество в достижении той цели, которая имеет общенародное значение, а лирический герой Высоцкого, выступающий в десятках разных обличий, расщепляет, подобно ядру атома, самые трудные, самые фундаментальные вопросы жизни и смерти, высвобождая на волю исполинскую сокрытую энергию, дотоле мирно дремавшую в словесных недрах. Передо мной лежит алфавитный указатель произведений Владимира Высоцкого: со слова «Я», как подсчитали его составители, начинается много десятков песен, но сделает громадную ошибку тот, кто сочтет, не вникая в тексты, что это песни самоуглубления эгоцентрической личности! Ни в коей мере! Это разговор от имени тех, в кого способен перевоплотиться поэт, это разговор и от собственного имени — от лица человека, который способен жить и воспринимать жизнь, как окружающие его, чей духовный мир — его мир.

От имени многих людей поет Высоцкий, и за кого только его не считали! Он объяснял предельно понятно: «Я ведь пишу песни от имени людей различных, думаю, что стал это делать из-за того, что я актер. Ведь когда пишу — я играю эти песни. Пишу от имени человека, как будто я его давно знаю, кто бы он ни был — моряк, летчик, колхозник, студент, рабочий с завода...» И вслушаемся, сколь убедительно и остроумно звучит его довод: «У меня в детской пластинке «Алиса в стране чудес» записано более двадцати музыкальных номеров, среди которых есть и песенка попугая. За этого попугая я сам пою. И в принципе это снимает многие вопросы — был ли я тем, от имени кого я часто пою свои песни-монологи. Отвечаю: попугаем я никогда не был — ни в прямом, ни в переносном смысле»

И для того чтобы не перечислять в систематическом порядке все основные праценности, которые люди земли находят в творчестве Владимира Высоцкого, разговор следует завершить указанием на такую праценность, которая, безусловно, в любой иерархической системе ценностей будет стоять на первом месте.

Первой и основной ценностью в народных представлениях является «самое жизнь». И поскольку многообразную тему эту — жизнь нашу — воплощал он с правдивостью и с добротой к людям, стараясь в меру сил своих богатырских, в меру темперамента своего неистового помочь нам всем, постольку распахнулось перед ним сердце народное и вобрало его в себя.